

Дискуссии и обсуждения

«ВОЕННАЯ ДЕМОКРАТИЯ» И ЭПОХА КЛАССООБРАЗОВАНИЯ

А. М. Хазанов

Известно, что многие институты раннеклассовых обществ не возникают заново, а уходят своими корнями в предшествующую эпоху разложения первобытнообщинного строя, хотя с расколом общества на непримиримые классовые противоположности эти институты предстают перед нами в сильно трансформированном виде, приспособленными к условиям классового существования. Не составляют исключения и различные формы политической организации, которые постепенно и исподволь образуются еще в недрах близящегося к своей гибели первобытного общества. Однако конкретные формы этой складывающейся политической организации, степень их противостоимости обществу, в котором классовые противоречия еще не достигли уровня, влекущего за собой появление государства в собственном смысле слова, наконец, самый механизм их развития остаются малоисследованными и дискуссионными. В результате существование многих догосударственных по своей сущности учреждений принимается иногда за доказательство наличия государства в том или ином обществе, что, в свою очередь, приводит к искусственному соединению двух качественно различных эпох в истории человечества — классового образования и раннеклассовой. Тем самым диалектически сложный процесс возникновения государства представляется зачастую в упрощенном виде, а само оно приобретает некие надклассовые черты (потому что в обществе, в котором констатируется его наличие, еще отсутствуют антагонистические классы). Вместе с тем именно вследствие недостаточно четкой расчлененности понятий «эпоха классового образования» и «стадия раннеклассового общества» подчас наблюдается обратная картина, и общество, в котором уже возникли антагонистические классы, трактуется как доклассовое на этапе его разложения.

В этой связи особую важность приобретает вопрос о содержании впервые введенного Л. Морганом понятия «военная демократия»¹ и о ее месте в истории человечества — вопрос, который уже неоднократно поднимался советскими этнографами и историками. Сам Морган четкого определения «военной демократии» не дал, но подчеркивал два ее признака: военное состояние общества и систему управления, состоящую из выборного и сменяемого верховного вождя, совета старейшин и народного собрания. Особое внимание обращалось на демократиче-

¹ Л. Г. Морган. Древнее общество. Л. 1934, стр. 74, 87, 111, 125, 144, 146, 153, 161, 177, 182.

ский характер этой системы, оставлявшей решающее слово за свободным народом. Для Моргана «военная демократия» означала не столько определенный этап в развитии человеческого общества, сколько особую, специфическую форму его организации и управления.

В одной из ранних работ С. П. Толстова было высказано мнение, что «военная демократия» является особым переходным периодом от доклассового общества к классовому: «Общество эпохи военной демократии — и доклассовое и классовое, точнее рабовладельческое общество одновременно»². Впоследствии С. П. Толстов фактически от этого взгляда отказался и определил «военную демократию» как последний этап первобытного общества³. Эту точку зрения разделяют и другие этнографы⁴. Однако недавно в статье Ю. И. Семенова была вновь высказана мысль о том, что «военная демократия» соответствует особой переходной ступени превращения родового общества в классовое⁵. В последнее время понятие «военная демократия» подверглось критике со стороны некоторых советских и зарубежных историков. Вместо него предложено другое — «азиатский способ производства», который в данном случае понимается либо как особый переходный период от бескласового общества к классовому, либо как последний этап в истории первобытного общества⁶. Суть этой критики заключается, однако, не в новой периодизации первобытной истории — тут ничего нового нет — и не в простой замене одного термина другим, а в ином понимании сущности определяемого этапа. Ниже мы рассмотрим это более подробно, здесь же следует отметить, что некоторые этнографы уже указывали на неудачность введенного Морганом термина и его неадекватность содержанию определяемой им эпохи⁷. Мы ограничиваемся таким по необходимости кратким историографическим обзором, касающимся лишь некоторых спорных и нерешенных вопросов, связанных с понятием «военная демократия», с тем, чтобы перейти к рассмотрению самой проблемы.

«Было бы нелепо лишь «объективно» излагать Моргана, а не истолковывать его критически и, использовав вновь достигнутые результаты, изложить их в связи с нашими воззрениями и уже полученными выводами»⁸, — писал Ф. Энгельс. С момента выхода в свет книги Моргана прошло более 90 лет. За это время этнография, история и археология накопили огромное количество новых данных о заключительных этапах первобытнообщинного строя и возникновении государства. Многие из этих данных расходятся с теми, которыми располагала наука во второй половине XIX века. Кругозор Моргана был вынужденно ограничен материалами Древней Греции и Рима — всего двумя случаями, на которых

² С. П. Толстов. Военная демократия и проблема «генетической революции». «Проблемы истории докапиталистических обществ», 1935, № 7—8, стр. 206.

³ С. П. Толстов. К вопросу о периодизации первобытного общества. «Советская этнография», 1946, № 1.

⁴ А. И. Першиц. О «военной демократии» (К вопросу о периодизации истории первобытного общества). «Советская этнография», 1953, № 2; М. О. Косвен. Очерки истории первобытной культуры. М. 1957, стр. 220; его же. К вопросу о военной демократии. «Труды» Института этнографии. Новая серия. Т. LIV. М.-Л. 1960, стр. 250.

⁵ Ю. И. Семенов. О периодизации первобытной истории. «Советская этнография», 1965, № 5, стр. 79; см. также стр. 80, 93.

⁶ См. Ж. Сюрэ-Каналь. Традиционные общества в Тропической Африке и марксистская концепция «азиатского способа производства». «Народы Азии и Африки», 1965, № 1, стр. 101—102; М. Годелье. Понятие азиатского способа производства и марксистская схема развития общества. Там же, стр. 102—104; см. также выступления Э. О. Берзина, М. А. Виткина и И. Л. Андреева на дискуссии об общественных формациях на Востоке, материалы которой опубликованы в сборнике «Общее и особенное в историческом развитии стран Востока». М. 1966.

⁷ И. И. Потехин. Военная демократия матабеле. «Труды» Института этнографии. Новая серия. Т. XIV. М. 1951, стр. 235—236; М. О. Косвен. К вопросу о военной демократии. стр. 245.

⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 36, стр. 123.

он пытался проследить непосредственное превращение органов управления разлагающегося первобытного общества в государственные. Степень развитости ацтекского общества он не понял и недооценил. Современные знания значительно полнее. Очень большой новый и принципиально важный материал дают Океания и Африка. Определенные успехи достигнуты в изучении ранних государственных образований американского континента. Получены новые сведения о возникновении древнейших в мире государств Востока, хотя здесь еще много спорного и неясного. Оживленно обсуждается специфика возникновения государства в кочевых обществах. Вместе с тем иначе, чем прежде, представляются ныне многие проблемы древнейшей истории Греции и Италии. Все это позволяет по-новому взглянуть на некоторые вопросы, связанные с последним периодом истории первобытного общества и возникновением государства.

Морган верно подметил роль военного фактора в жизни тех обществ, которые он относил к «военным демократиям». Верной была и его мысль о влиянии этого фактора на их социальные институты. Однако, на наш взгляд, ученый ошибся, переоценив степень демократичности этих обществ. Произошло это в основном потому, что смену родового общества «политическим», то есть возникновение государства, Морган, как мы уже отмечали, мог проследить только на примере Афин и Рима. Выведенная на этом ограниченном материале закономерность, выражающаяся в постепенной трансформации демократических в своей основе родовых институтов в государственные, была представлена им как всеобщая. Рассматривая афинские и римские учреждения накануне возникновения там государства сквозь призму ирокезского рода, Морган увидел в них прямое продолжение и развитие того общественного устройства, которое лежало в основе ирокезской конфедерации. За чертами формального сходства он, однако, упустил коренные различия, отделяющие греческий генос и римский генос от ирокезского рода. Между тем Афинское государство никак нельзя считать возникшим непосредственно из родовых институтов. Древнейшие государства на территории Греции — ахейские царства — появились не позднее XVI в. до н. э.⁹, и самый факт их существования наложил сильнейший отпечаток на последующее историческое развитие Греции, не исключая и Афин, существовавших еще в ахейское время¹⁰.

Открытие ахейских царств значительно усложнило вопрос о времени, к которому относится гомеровский эпос, а ведь именно им в первую очередь руководствовались ученые от Моргана до Косвена при описании «военной демократии» греков. В настоящее время все большее число исследователей приходит к мнению, что этот эпос сложился еще в ахейское время, где-то между XVI и XIII вв. до н. э.; падение Трои, которое сейчас относят к 1260 г. до н. э.¹¹, послужило толчком не к его созданию, а к окончательному оформлению¹². Басилей все-таки был царем — если не в поэмах Гомера, то в реальной действительности. Социально-экономические отношения подверглись в «Илиаде» и «Одиссее» значительной архаизации и идеализации, что вообще характерно для эпоса. Прямолинейно руководствоваться ими для реконструкции греческого общества столь же опасно, как восстанавливать общественный строй соответствующих народов на основании «Пополь Вуха», «Нарт», «Нибелунгов» или былин владимирского цикла. Что же касается

⁹ См. Т. В. Блаватская. Ахейская Греция. М. 1966, стр. 66, 71.

¹⁰ C. W. Blegen. Athens and the Early Age of Greece. Athenian Studies Presented to W. S. Ferguson. Cambridge. 1940, pp. 1—9.

¹¹ C. W. Blegen. Troy and the Trojans. N. Y. 1963, p. 163.

¹² M. P. Nilsson. The Mycenaean Origin of Greek Mythology. Berkeley. 1932, pp. 11—34; eju s.d. Homer and Mycenae. L. 1933; Т. В. Блаватская. Указ. соч., стр. 7—14.

Аттики, то в рассмотренную Морганом эпоху ее общественное устройство нельзя назвать «военно-демократическим». Напротив, там происходила долгая и ожесточенная борьба за демократию, характерная уже для рабовладельческого полиса, борьба, в которой широким массам свободного населения противостояли эвпатриды, использовавшие пережитки родовых институтов для охраны своих привилегий.

Сходную картину мы наблюдаем в Риме. Археологические свидетельства разложения первобытнообщинного строя в Италии относятся к концу II — началу I тысячелетия до н. э. «Первые поселенцы на холмах жили уже, как показывают археологические находки, в условиях относительно развитой социальной дифференциации, — пишет Р. Гюнтер. — Курии и три древнейшие трибы в тот период, когда определились известные их ныне названия, не являлись органически возникшими родовыми учреждениями, а несли на себе печать государственного образования». Государство в Риме возникло уже в царский период, не позднее VI в. до н. э., чему, равно как и оформлению некоторых политических институтов, способствовало сильнейшее этрусское влияние (этруская династия Тарквиниев одно время царствовала в Риме)¹³. Поэтому те ранние политические структуры, которые нам известны в Риме, являются уже государственными, хотя и весьма примитивными, отягощенными значительными пережитками прежних, догосударственных отношений. Эти пережитки, как и в Греции, выгодные патрициату — потомкам родовой аристократии, прослеживаются в Риме чуть ли не до Пунических войн. Центуриатная реформа, которая, по Моргану, кладет начало Римскому государству, относится, как теперь выясняется, ко времени не ранее 443 г. до н. э.¹⁴ И в Риме и в Греции на заре их достоверной истории мы встречаем куда более сильную социальную и институциональную дифференциацию общества, чем это казалось Моргану. Те органы власти, которые он счел родовыми, предстают перед нами с самого начала уже в сильно модифицированном виде, приспособленными к условиям пусть примитивного, но государственного существования, выражающими большей частью интересы не всего свободного народа, а лишь эвпатридов и патрициев. Потомки знатных родов противопоставляли себя неполноправным прослойкам свободной части населения и боролись за сохранение своих привилегий. Термин «демократия», хотя бы и «военная», вряд ли адекватен такому состоянию общества.

Обратившись к истории других стран и народов, мы видим значительное разнообразие общественных институтов в различных обществах, находившихся на последнем этапе первобытнообщинного строя и переживавших переход к государству. В значительной мере эти институты не укладываются в прокрустово ложе триады, присущей «военной демократии»: верховный вождь — совет старейшин — народное собрание. В этом нет ничего удивительного. Хотя появление государства всюду определяется одними и теми же закономерностями — расколом общества на классы — и государство есть «сила, происшедшая из общества, но ставшая себя над ним, все более и более отчуждающая себя от него»¹⁵, в каждом конкретном случае на этот процесс оказывает влияние совокупность разнообразных факторов. Уровень развития производительных

¹³ Р. Гюнтер. Социальная дифференциация в древнейшем Риме. «ВДИ», 1959, № 1, стр. 79—82; Л. А. Ельницкий. У истоков древнеримской культуры и государственности. «ВДИ», 1958, № 3, стр. 143; А. И. Немировский. История раннего Рима и Италии (Возникновение классов общества и государства). Воронеж. 1962, стр. 212, 239; E. Gjerstad. Legends and Facts of Early Roman History. Lund. 1963, pp. 44, ff.; A. Grenier. Bologne villanovienne et etrusque. P. 1912, pp. 78, ff.; I. S. Ryberg. An Archaeological Record of Rome, from the Seventh to Second Century B. C. L. 1940. pp. 5, ff.

¹⁴ А. И. Немировский. К вопросу о времени и значении центуриатной реформы Сервия Туллия. «ВДИ», 1959, № 2, стр. 162, сл.

¹⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 21, стр. 170.

сил, формы хозяйства, роль обмена, степень разложения родовых институтов, характер внешних связей и т. д.— все это влияет на формы складывающихся политических структур общества, которые далеко не всегда можно охарактеризовать как «военные демократии».

Значительный интерес в этой связи представляет полинезийское общество, в целом находившееся накануне колониального периода (XIX в.) на стадии разложения первобытнообщинного строя и формирования государства, хотя на отдельных островах и архипелагах этот процесс протекал неравномерно¹⁶. В Полинезии, где отцовский род так и не сложился, основной ячейкой общества была большая семья. Кровнородственные связи уступали место территориальным. Обмен в широких размерах не получил распространения, зато значительного развития достигло ремесло, отделившееся от земледелия. Значение рабства в целом было невелико. В этих условиях особую роль приобрела социальная дифференциация, в большой мере определявшая имущественные различия внутри общества. Неуклонное проведение генеалогического принципа старшинства, обособление знати, тенденция к образованию наследственно замкнутых кастовых групп — таковы основные черты, характерные для Полинезии и означающие, что еще до появления государства здесь произошло резкое социальное расслоение и отстранение основной массы еще свободных общинников от управления общественными делами. Правда, на общинных советах — фоно Самоа и Тонга — могли присутствовать и даже участвовать в обсуждении дел все взрослые члены общины, но практически дела обсуждались главами больших семей, а решения выносились лишь несколькими вождями высшего ранга. В советах, объединявших несколько соседних деревень, вообще участвовали только вожди. Даже у маори Новой Зеландии, находившихся по сравнению с остальной Полинезией на более низкой ступени общественного развития, вожди племен были ограничены в своих действиях советом старейшин, представлявших отдельные хапу (группы родственных семей), но отнюдь не рядовыми, свободными общинниками. Управление более крупными территориальными и племенными объединениями покоилось на иерархии вождей, принадлежавших к одному сословию благородных — алии (арики). Ничего подобного народному собранию мы в Полинезии не встречаем. Поэтому не случайно, что, хотя все советские исследователи в целом едины в своей оценке уровня развития, достигнутого полинезийским обществом, никто не употребляет применительно к ним термин «военная демократия». Факты здесь слишком явственно выпирали бы из заранее готовой схемы.

Нечто подобное мы видим и в Африке, демонстрирующей разнообразие форм управления обществом в переходный период. Наряду с «военно-демократическими» (у фульбе, азанде, южных банту) существовали иные формы, основанные на большей социальной дифференциации. В «царстве» Индиде (Берег Слоновой Кости) над объединенными в общины большими семьями, управлявшимися демократическим путем, высилась целая надстройка из вождей различного ранга во главе с верховным вождем. Выше уровня одного селения никаких следов народных собраний не обнаруживается¹⁷. У мандингоязычных африканцев народные собрания существовали лишь на уровне поселения или района, но и они носили скорее геронтологический характер и состояли лишь из глав больших семей¹⁸. У бемба, на северо-востоке Замбии, несмотря на то, что

¹⁶ См. «Народы Австралии и Океании». М. 1956; С. А. Токарев. Происхождение общественных классов на островах Тонга. «Советская этнография», 1958, № 1; R. W. Williamson. The Social and Political Systems of Central Polynesia. Vol. I—III. Cambridge. 1924; E. Best. The Maory. Vol. 1—2. Wellington. 1924; H. J. Hogbin. Law and Order in Polynesia. L. 1934, pp. 235—260; M. D. Sallins. Social Stratification in Polynesia. Seattle. 1958.

¹⁷ Ж. Сюрэ-Каналь, Африка Западная и Центральная. М. 1961, стр. 104, сл.

¹⁸ H. Labouret. Les Manding et leur langue. P. 1934, p. 46.

весь народ был вооружен, а регулярные дружины отсутствовали, вообще не наблюдалось никаких следов народного собрания. Зато отчетливо выделялась правящая верхушка — представители главенствующего «рода крокодила». Совет старейшин ведал здесь лишь религиозными делами и спорами о престолонаследии¹⁹.

Накопившиеся материалы дают основания предполагать, что формирование классов довольно часто шло по пути оформления сословно-кастовых групп, зарождавшихся и получавших значительное развитие еще на последнем этапе первобытнообщинного строя. Появлению таких групп могли способствовать завоевания, превращавшие этнические различия в кастовые, а затем в классовые (так было в Древней Индии, «королевстве» Мбау на Фиджи, а также в Руанде, Урунди и других странах Тропической Африки). Примером такого типа развития может служить социальная организация ланшаньской группы народности «и» в Китае. Все общество делилось на ряд наследственных эндогамных сословий, границы между которыми были весьма отчетливыми, а между высшим сословием — носу — и остальными, находившимися от него в полурабской-полукрепостнической зависимости, совершенно непреодолимыми. В то же время государство у «и» так и не сложилось, и общественное устройство носу очень напоминало форму, характерную для «военной демократии», с той лишь разницей, что это была демократия для 7% населения²⁰. Но касты и сословия могли возникать и без завоевания, внутри самого разлагающегося первобытного общества, на основе складывавшейся иерархии родов, общин и больших семей, осложненной общественным разделением труда и появлением профессиональных каст²¹. К чему это приводило, отчетливо видно на примере микронезийцев Марианских и Маршалловых островов, у которых наряду с материнским родом существовали резкие сословные различия внутри общества. Представители знатных родов, превратившихся в эндогамные касты, монополизировали право на землю и на управление обществом. Дальнейшее социальное расслоение вело к выделению различных социально-правовых групп даже внутри господствующей аристократической касты²².

Сходные явления наблюдаются у некоторых горных народов Ассамы. У лусеев и коньяк нага на основе существовавшей иерархии родов выделился один род, монополизировавший все должности вождей и превратившийся в эндогамную касту, постепенно оформлявшуюся в класс феодалов. Вокруг вождей складывалась своя аристократия, то есть возникло сословное деление общества²³. Как в таких условиях мог разрастись господствующий род или большая семья, показывает пример Дагомеи, где царский дом насчитывал 12 тыс. человек. И тут не приходится говорить о «военной демократии», так как большинство свободных членов общества было отстранено от управления еще до того; как сословно-кастовые различия приобрели классовый характер и возникло государство.

¹⁹ «African Political Systems». Ed. by M. Fortes and E. E. Evans-Pritchard. L. 1940, pp. 85—112.

²⁰ См. Р. Ф. Итс. К проблеме соотношения классов и государства (по материалам ляншаньских ицзу). М. 1964; Р. Ф. Итс, А. Г. Яковлев. К вопросу о социально-экономическом строе ляншаньской группы народности «и». «Община и социальная организация у народов Восточной и Юго-Восточной Азии». Сборник статей. Л. 1967.

²¹ Тенденция к образованию сословий существовала и в Афинах и в Риме, и носителями ее были представители «благородных» родов — эвпатриды и патриции. Но там в конечном счете возобладала иная тенденция — к созданию единого класса рабовладельцев, в отличие от Спарты, где раннеклассовое общество приняло отчетливо выраженный кастовый характер.

²² L. Thompson. The Native Culture of the Marians Islands. Honolulu, 1945, pp. 11—20; P. Erdland. Die Marshall-Insulaner. Münster in Wien, 1914, S. 99—114.

²³ См. С. А. Маретина. Община у горных народов Ассамы. «Община и социальная организация у народов Восточной и Юго-Восточной Азии», стр. 24—25, 34, 38.

Мы стремились показать, что разложение первобытнообщинного строя не вело с необходимостью к установлению «военной демократии», что существовали и иные пути, основывавшиеся на большей социальной дифференциации. Но у вопроса о «военной демократии» имеется и другая сторона. Можно ли считать, что «военная демократия» как понятие стадияльное соответствует всей эпохе перехода от первобытного общества к классовому, хотя бы у тех народов, у которых мы можем констатировать ее наличие? Выше были отмечены трудности, с которыми при таком понимании «военной демократии» неизбежно сталкивается исследователь ранней истории Греции и Рима: с одной стороны, уровень социальной дифференциации в досолоновых Афинах, как и в Риме начала царского периода, противоречит тезису о свободе народа при «военной демократии»; с другой стороны, можно говорить лишь об интенсивно протекавшем там процессе классового образования, но отнюдь не о наличии сформировавшихся классов. Как следствие этого, государственная власть и в Греции и в Риме указанного времени находилась в зародышевом состоянии. Однако именно начальные этапы классового образования в Афинах и Риме прослеживаются плохо. Можно лишь ретроспективно предполагать там в прошлом наличие военно-демократических институтов, хотя подобный метод, как видно из примера Греции, весьма ненадежен.

Значительно больше материалов имеется по аналогичному периоду у древних германцев. И тут со всей очевидностью выясняется, что «военная демократия» непосредственно не предвляла возникновение государства как органа политического господства одного класса над другими. Эпоха «военной демократии» у древних германцев в целом охватывает период с I в. до н. э. по IV век. В I в. до н. э.—II в. возникающая королевская власть была выборной и неустойчивой и пока еще служила выразительницей интересов всего племени в целом, а не только племенной знати²⁴. В III—IV вв., когда военные союзы германских племен заняли определенные территории, возникли более или менее устойчивые образования с усложнившейся социальной и политической структурой. Только с конца V в. по VI—VII вв. происходит основание государств, обычно называемых «варварскими»; еще недавно их характеризовали как раннефеодальные²⁵. Ныне все чаще высказывается мысль, что это еще не государства в полном смысле слова, поскольку они не являлись продуктом раскола общества на антагонистические классы, а представляли собой форму организации общества, находившегося на стадии перехода от доклассовой структуры к классовой²⁶. Правда, в этих обществах уже наметилась отчетливая тенденция к превращению социальных различий в классовые противоречия. Однако, как отмечает А. И. Неусыхин, «будучи общинным без первобытности и заключая в себе в то же время элементы социального неравенства, этот общественный строй еще не был классово-феодальным — даже в том смысле, в каком таковым был самый ранний феодализм». В научный оборот вводится стадияльное понятие «дофеодальный период», который, по мнению А. И. Неусыхина, начинается с разложением родоплеменного строя²⁷ (применительно к

²⁴ См. А. И. Неусыхин. Военные союзы германских племен около начала н. э. «Ученые записки» Института истории РАН ИОН. Т. III. М. 1929; его же. Дофеодальный период как переходная стадия развития от родоплеменного строя к раннефеодальному (На материале истории Западной Европы раннего средневековья). «Вопросы истории», 1967, № 1, стр. 79.

²⁵ См. «Всемирная история». Т. III. М. 1957, стр. 140—141, 189, 204.

²⁶ См. А. И. Неусыхин. Возникновение зависимого крестьянства как класса раннефеодального общества в Западной Европе VI—VIII веков. М. 1956, стр. 31 и сл.; его же. Дофеодальный период..., стр. 81 и сл.; А. Р. Корсунский. Образование раннефеодального государства в Западной Европе. М. 1963, стр. 20, 160—162; А. Я. Гуревич. Свободное крестьянство феодальной Норвегии. М. 1967, стр. 12—23.

²⁷ А. И. Неусыхин. Дофеодальный период..., стр. 76, 82.

германцам с первых веков н. э.) и длится до формирования основных классов феодального общества и возникновения государства как выразителя интересов господствующего класса. «Дофеодальный период» рассматривается, таким образом, как переходный между двумя общественными формациями: доклассовой и классовой, а «военная демократия» соответствует только его началу. Еще раньше сходные взгляды на материале истории славян развивал Б. Д. Греков. Эпоху «военной демократии» у восточных славян он датировал IV—VI вв., а VI—VIII вв. считал переходным периодом от родового строя (на последней стадии его развития) к классовому обществу, от «военной демократии» к раннефеодальному государству²⁸.

В целом такие выводы представляются весьма убедительными. В период перехода от первобытного строя к классовому действительно могут возникать политические структуры, уже имеющие тенденцию ставить себя над обществом, но в силу неразвитости в нем социальных противоречий и незавершенности процесса классовобразования еще окончательно ему не противостоящие и поэтому не являющиеся государствами в подлинном смысле слова. С этим хорошо согласуются имеющиеся у нас сведения о возникновении классов и государства у многих народов. Так, совсем недавно Л. Е. Куббель установил, что нет оснований, как это считалось до сих пор, относить Гану VIII—XI вв. к первым раннеклассовым государствам Западной Африки, ибо в этот период Гана еще не перешла рубеж, отделяющий родовое общество от классового: отсутствовала эксплуатация рядовых членов общества, рабский труд внутри страны не применялся, основные средства производства еще не были сосредоточены в руках меньшинства. Зачаточные формы государственности возникли здесь в значительной мере под влиянием потребностей транссахарской торговли, форсируя распад родовых отношений. Л. Е. Куббель называет общество Ганы «предклассовым» и проводит параллель с «дофеодальным обществом» раннесредневековой Европы²⁹. Подобные «варварские государства» прослеживаются и в Восточной Африке. И не случайно изучавший их английский ученый Э. У. Саузолл сравнивает «сегментарные государства» (так называет он ранние государственные образования в Африке) с государственными образованиями Европы в начале средневековья. О «зародышевых государственных образованиях» в Африке, возникавших еще до появления классового антагонизма, пишет и Ж. Сюрэ-Каналь³⁰.

Современные исследователи предколониальной истории Латинской Америки отмечают наличие подобных предгосударственных форм у индейцев. Так, С. А. Созина называет «варварским государством» общество чибча-муисков (Южная Америка), где в середине XVI в. привилегированное сословие еще не развилось в класс, в собственника средств производства, хотя уже обособилось от массы рядовых общинников³¹. Однотипные структуры наблюдаются и у ацтеков, хотя следует помнить, что их развитие было в значительной мере ускорено и стимулировано высокоразвитой культурой, которую они застали на мексиканском плато, а затем непрерывными завоевательными войнами. Ацтекская традиция знает один момент, между 1427 и 1430 гг., когда в результате конфликта между военной знатью и рядовыми общинниками народное собрание прекратило свое существование. Но ацтекское общество после

²⁸ См. Б. Д. Греков. Киевская Русь. М. 1953, стр. 533; его же. Винодольский статут об общественном и политическом строе Винодола. М.-Л. 1948, стр. 94.

²⁹ L. Koubbel. On the Origins of Statehood in the Western Sudan. Moscow. 1967.

³⁰ A. W. Southall. Alur Society. A Study in Processes and Types of Domination. Cambridge. 1953, pp. 253—256; Ж. Сюрэ-Каналь. Указ. соч., стр. 104.

³¹ С. А. Созина. Социальный строй и культура древнеиндейской цивилизации чибча-муисков (Колумбия) в середине XVI века. Автореферат кандидатской диссертации. М. 1967.

этого еще не стало классовым. Землей продолжали владеть общины, привилегии знати еще не стали наследственными³². Поэтому форме политической организации ацтекского общества этого времени лучше всего соответствует понятие «варварское государство». Понятие «варварское государство» помогает и при изучении кочевых обществ, в частности ранних кочевников. Ведутся бесконечные споры о том, что представляло собой скифское общество VI—IV вв. до н. э. или гуннское во времена Модэ-шаньюя и его ближайших преемников — «военную демократию» или уже сложившееся государство. Отнести их к первой мешает наличие значительной социальной дифференциации, довольно сильной центральной власти; ко второй — отсутствие заметной эксплуатации рядовых членов общества, незначительный удельный вес рабского труда. Вполне вероятно, что скифы и гунны указанного времени переживали завершение процесса классового образования. Их общество еще не было классовым, но уже появились политические структуры с определенными государственными институтами³³.

Исследования последнего времени делают все более ясным, что деспотия не являлась, как это считалось не так давно, первоначальной формой государственности в странах Востока, что ей предшествовали другие, более демократические формы политической организации, для которых характерно наличие совета знати и народного собрания. Из этого иногда делается вывод, что и на Востоке некогда имела место «военная демократия». Отнюдь не отрицая такой возможности, мы хотим обратить внимание на необходимость более строгих доказательств этого положения. Следы существования институтов, типологически сходных с военно-демократическими, мы обнаруживаем на Древнем Востоке лишь тогда, когда там государство либо уже возникло, либо завершало свое становление. Достоверных источников о предшествовавшей этому эпохе у нас нет. Между тем «военная демократия», как мы видели, не единственно возможная форма политической организации общества, переживающего распад первобытнообщинных отношений. Формальное сходство общественных институтов еще мало о чем говорит. Посадник, боярский совет и вече средневекового Новгорода внешне весьма походят на верховного вождя, совет старейшин и народное собрание, типичные для «военной демократии». Но вряд ли кто на этом основании будет утверждать, что в Новгороде XIII—XIV вв. была «военная демократия» или что к ней непосредственно восходят его государственные институты. Возникает вопрос: что представляли собой ранние государственные образования стран Востока? Применительно к Месопотамии нам представляется убедительным мнение И. М. Дьяконова, характеризующего период Джемдет-Насра как время образования племенных союзов, а первый раннединастический период как эпоху сложения государства в Шумере³⁴. «Номовые», по его выражению, государства этого периода соответствуют в стадийном отношении уже описанным «варварским государствам» в других частях света, появление которых знаменует тот момент, когда процесс классового образования в обществе уже зашел достаточно далеко и вызвал к жизни некоторые государственные институты, но все же еще не развернулся настолько, чтобы общество расколосось на противостоящие друг другу классы. Конечно, при всех сравнениях необходимо учитывать

³² F. Katz. The Evolution of Aztec Society. «Past and Present», 1958, № 13, pp. 15—23.

³³ См. Л. П. Лашук. О характере классового образования в обществах ранних кочевников. «Вопросы истории», 1967, № 3, стр. 112—113, 114—115. Следует отметить, однако, что, признавая наличие у скифов «военно-иерархической и военно-деспотической системы» (стр. 112), Л. П. Лашук определяет политический строй скифов как «военную демократию».

³⁴ См. И. М. Дьяконов. Общественный и государственный строй древнего Двуречья. М. 1959, стр. 156, сл.

специфику древней Месопотамии, где потребности ирригационного земледелия в условиях относительно неразвитых производительных сил должны были обусловить особенно раннее появление зародышевой государственной власти.

Последний период в истории первобытного общества был гораздо сложнее и многообразнее, чем это представлялось в XIX в., хотя содержание его всюду было единым — переход от доклассового общества к классовому. Как форма складывающейся политической организации общества «военная демократия» не была универсальной; в качестве стадийного понятия она не покрывает всего периода. Нам представляется, что лучше называть этот период «эпохой классовообразования», так как это понятие точнее передает смысл переходного времени. В широком смысле слова эпохой классовообразования считаются все этапы разложения первобытнообщинного строя с момента появления регулярного прибавочного продукта. Однако, поскольку очевидно, что появляющиеся в обществе имущественное неравенство и социальная дифференциация далеко не сразу достигают того уровня, когда они перерастают в классовые различия и противоречия, в узком смысле слова под ней можно понимать ту эпоху, в течение которой формируются противостоящие друг другу классы. Понятие «дофеодальный период» нам представляется неудачным, ибо имеет негативный оттенок; понятие «азиатский способ производства» для обозначения переходного этапа от доклассового общества к классовому представляется неприемлемым из-за его смысловой неточности, регионального характера и неопределенности. Более того, последнее понятие искусственно объединяет две принципиально различные эпохи: эпоху классовообразования и эпоху раннеклассового общества. Конец эпохи классовообразования означает возникновение государства как орудия для поддержания господства одного класса над другими. Труднее определить начало этой эпохи. Интенсивное разложение родового строя начинается лишь с того момента, когда общество достигает достаточно высокого уровня развития производительных сил. Установить этот момент в каждом данном обществе — задача конкретного исследования, здесь никакие общие рецепты не помогут. Поэтому вряд ли прав Ю. И. Семенов, предлагающий считать появление рабства универсальным критерием, знаменующим начало, по его терминологии, «эпохи превращения родового общества в классовое»³⁵. Известно, что роль и значение института рабства для процесса классовообразования в различных обществах были неодинаковыми.

С нашей точки зрения, начальный этап эпохи классовообразования следует связывать не столько с появлением новых форм складывающейся политической организации общества, сколько с трансформацией и видоизменением старых, родовых по своему происхождению органов управления, с приспособлением их к усложнившейся социальной структуре. Такова и «военная демократия» — одна из существовавших и наиболее распространенных, но все же не единственная форма управления обществом, в целом соответствовавшая времени создания крупных межплеменных союзов. «Военной демократии» как форме управления обществом присуща противоречивость, свойственная всей эпохе. Безусловно, и верховный вождь и совет старейшин в первую очередь выражали интересы родоплеменной верхушки. Но было бы чрезмерным упрощением полагать, что они не выражали также интересов всего общества. Отсюда двойное значение грабительских войн и походов, роль которых особенно возросла именно на данном историческом этапе. Эти войны усиливали власть, богатство и влияние родоплеменной верхушки. Но они же на время сглаживали противоречия внутри общества, как бы выносили их во вне, разрешая эти противоречия за счет соседей.

³⁵ Ю. И. Семенов. Указ. соч., стр. 79.

Ф. Энгельс вскрыл роль войны в процессе классовообразования и становления государства. Составляя неотъемлемый фактор процесса формирования классов, война, однако, играла большую или меньшую роль в тех или иных конкретных обществах в зависимости от местных условий. Скажем, в Полинезии эта роль была меньшей, чем в Западной Европе. Представляется, что через «военную демократию» прошли именно те общества, у которых война стала регулярной функцией народной жизни, где в походы, завоевания и переселения вовлекалось большинство населения. Но рядовой свободный общинник, имевший оружие и знавший, как с ним обращаться, не был идеальным объектом для эксплуатации. По всем этим причинам «военная демократия» не могла непосредственно преобразоваться в государство. Для этого она должна была смениться другими или, вернее, трансформироваться в другие политические структуры, более соответствующие характеру общества на следующем этапе его развития.

Постепенная замена родоплеменных связей территориальными, рост имущественного неравенства и усиливающееся социальное расслоение общества, выделение господствующего слоя населения, частично состоящего из потомков родоплеменной аристократии, частично — из людей, выдвинувшихся во время бурных событий начального этапа эпохи классовообразования, слоя, который постепенно оформлялся как обособленный от остального населения господствующий класс, — все это приводило к появлению зародышевых государственных образований, «варварских государств», являвшихся в точном смысле «предгосударствами», то есть такими политическими структурами, в которых уже имеются, хотя и в весьма неразвитой форме, отдельные элементы будущей государственности³⁶. Однако в варварском обществе процесс классовообразования еще не завершился, и поэтому противоречия еще не приняли антагонистического характера: рядовое свободное население по-прежнему составляло большинство, не подвергавшееся эксплуатации в сколько-нибудь значительном размере. Поэтому последний период эпохи классовообразования мы бы назвали предгосударственным. Для него характерно отстранение большинства пока еще свободных членов общества от управления, появление зародышевых, первичных государственных образований, которые выражали интересы главным образом верхушки общества и являлись своеобразным катализатором, ускорявшим процесс классовообразования и способствовавшим его завершению. Именно в этом и заключалась их основная функция. Лишь с расколом общества на противоположные классы эти «предгосударства» сменились действительно государственными политическими структурами, главной задачей которых стало подавление угнетенных слоев и классов общества.

Какое место занимает эпоха классовообразования в истории человечества? Тут многое зависит от угла зрения. Для историка классовых формаций она действительно может казаться переходной от доклассового общества к классовому, поскольку в ней он впервые встречает те явления, которые затем получают развитие в эксплуататорских обществах. Но для историка первобытного общества это последняя эпоха первобытнообщинного строя, ибо только с возникновением государства и появлением антагонистических классов первобытное общество окончательно прекращает свое существование.

³⁶ Термин «варварское государство» кажется наиболее подходящим для обозначения таких политических структур, потому что само понятие «варвары» прочно закрепилось за народами, переживавшими эпоху классовообразования.